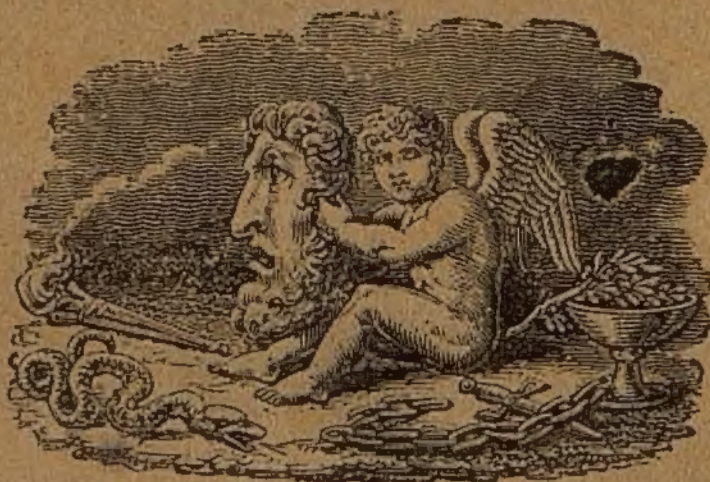
ВЗГЛЯДЪ

НА СОЧИНЕНІЕ Г. СТРОЕВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1834.

ВЗГЛЯДЪ

НА СОЧИНЕНІЕ Г. СТРОЕВА

О

УЛОЖЕНІИ

Царя Алексѣя Михайловича,

ИЛИ

ЧТО БЫЛО ВЪ 1649 ГОДУ, И ЧТО СТАЛО ВЪ XIX СТОЛѢТІИ.

Г. З.

═

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

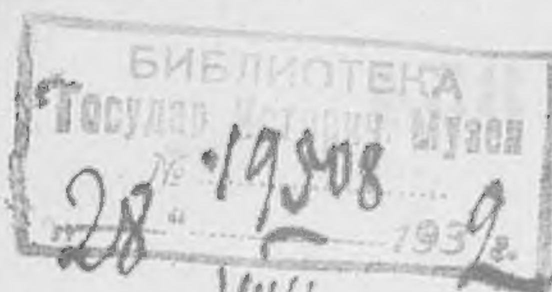
Въ типографіи Конрада Вингебера.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

С. П. бургъ. 8 Августа 1834 года.

Ценсоръ *П. Гаевскій.*

Прежде нежели буду говорить о книгѣ Г. Строева, должно взглянуть на ту книгу, о которой онъ разсуждалъ: на Уложеніе. Это былъ кивотъ, къ которому ни одинъ Израильтянинъ не смѣлъ прикоснуться; прикасавшіеся же случайно, поражаемы были смертію. Но Г. Строевъ не случайно, а съ намѣреніемъ прикоснулся къ кивоту, и живъ! Я не знаю, чему дивиться — порывули и смѣлости Г. Строева, или XIX вѣку? Вѣкъ сей, подобно намъ, человѣкамъ, требующимъ пищи, требуетъ свойственной пищи. Чему же дивиться — Автору, или вѣку? — И тому и другому. И такъ, по свойству и по потребности вѣка, начнемъ разборъ творенія Г. Строева.

Авторъ въ введеніи говоритъ: «хотя у насъ »много писали, и теперь пишутъ объ Истo»рическомъ направленіи настоящаго вѣка, од»нако же наше Русское Историческое напра»вленіе ограничивается по большой части »только Историческими романами. До сихъ »поръ, у насъ нѣтъ Исторіи нашего законо»дательства.»

»Пришло время, когда слѣдуетъ обра»тить вниманіе на изученіе отечественнаго »права, по строгой системѣ, и на критикѣ »ума основанное. Образованность сего тре»буетъ, къ сему же насъ призываетъ и му»дрое правительство.»

Всё сказано справедливо; т. е. что у насъ нѣтъ Исторіи законодательства, но избыточествуемъ романами; да и тѣ не на критикѣ ума основаны, — а безъ критики ни что, и никуда негодится. Говорятъ, что критика, или дочь Юпитера, или воспитанница Паллады. Но кто бы то она ни была

однако же я не зналъ, что правительство требовало изученія отечественнаго права, на критикѣ ума основаннаго. Вѣрю объявленію Г. Строева, и разсматриваю его твореніе.

Глава первая. Авторъ показываетъ причины, побудившія Царя Алексѣя Михайловича къ изданію Уложенія. Онѣ суть слѣдующія: Борисъ похитилъ престолъ; угождалъ народу, наложа на бояръ свинцовый скипетръ. Самозванецъ также, какъ Борисъ, дѣйствовалъ на необразованную массу народа, уничиживъ въ глазахъ черни бояръ. Шуйскій, избранный боярами, а не любовію народа, искалъ опоры въ боярахъ, забывалъ величіе свое; но угнѣтая чернь, онъ не удержалъ своеволія бояръ, и кончилъ тѣмъ, что развратилъ бояръ, какъ Борисъ и Григорій развратили народъ.

Сіи противоположныя дѣйствія трехъ Царей надобно повѣрить съ самовидцами, и увидимъ: то ли они скажутъ о развращеніи

Царями народа и бояръ, что говоритъ Г. Строевъ.

Самовидцы говорятъ, что Борисъ не соглашался восходить на престолъ, и клялся, что онъ не будетъ царствовать. Послѣ сего отказа боярамъ, духовенству и народу, въ одной Москвѣ живущимъ, разослали грамоты по всему Государству, чтобы съѣхались депутаты для избранія Царя. Времени между собраніемъ прошло недѣль шесть. Депутаты разсудили избрать Бориса. Депутаты, со всѣмъ въ Москвѣ живущимъ народомъ, не исключая и женщинъ съ грудными младенцами, пошли къ Борису, и умоляли его и сестру его, инокиню Царицу. — Отказалъ. Патріархъ, со всѣмъ соборомъ поднимаетъ икону Владимірскія Богородицы, съ крестами, и идутъ къ Борису. Народъ, дѣти, женщины, бояра упадаютъ на колѣни, бьютъ челомъ; съ рыданіемъ, слезами, просятъ; но Борисъ не внемлетъ. Патріархъ, Архіерей; клятву Борисо-

ву разрѣшаютъ, кладутъ на себя эпитимію: и едва-едва умолили. Такъ ли похищаютъ престолы?

Мнѣ возразятъ: Борисъ хитрилъ, лицемѣрилъ, обманывалъ. Но кто влѣзалъ въ его душу? И кто въ теченіе шести недѣль междуцарствія мѣшалъ другимъ боярамъ такимъ же лицемѣріемъ, такою же хитростію пріобрѣсти Тронъ? И́ для чего же другіе хищники, каковыхъ много бывало, не съ лицемѣріемъ, но съ огнемъ и мечемъ похищали царства?

Когда Годуновъ былъ большимъ бояриномъ, и вмѣсто Царя правилъ Государствомъ, тогда онъ былъ въ ссорѣ съ какимъ-то бояриномъ. Ссора бояръ для Государства ядъ. Патріархъ примирилъ ихъ. Бояринъ отъ Патріарха вышелъ на площадь и о своемъ примиреніи объявилъ народу. Какіе-то два профана изъ смерди сказали: «вы помирились »нашими головами.» И въ мигъ этихъ двухъ

головъ не стало. Но ежели бы Годуновъ угождалъ народу, то тѣ двѣ головы были бы цѣлы, и гладилъ бы ихъ.

Когда же Годуновъ воцарился, то, помнится, года два было спокойно, т. е. не трогалъ бояръ. Борисъ зналъ, что власти его есть и завистники и ненавистники. Кто захочетъ сидѣть на Тронѣ, которой поколеблютъ? Борисъ распустилъ лазутчиковъ; естественно: — люди низкихъ душъ, получившіе задатокъ, должны услужить, и за услугу ожидаютъ награды. Начались доносы и клевета, зелье и колдовство. Клевета въ наши дни смѣшна, но тогда была вѣрною пружиною къ подавленію и обвиненію. Тутъ начались гоненія, казни и пагуба; къ гоненію присоединилъ Борисъ охлажденіе: онъ не выходилъ на крыльцо, и не принималъ жалобъ.

При стеченіи такихъ дурныхъ для Бориса обстоятельствъ, является и Лжедмитрій. Но какъ онъ вступилъ на престолъ?—

съ боемъ. Ему не отворили воротъ настежъ какъ Наполеону, отъ Гренобля до Парижа. Не стычки, а битвы были кровавыя, подъ предводительствомъ бояръ. Что мѣшало боярамъ, выйдя въ поле, свергнуть свинцовый скипетръ? И ежели бы Борисъ угождалъ народу, то и народъ не вязалъ бы воеводъ, и не выдавалъ бы Самозванцу головою. Наконецъ, бояра и народъ сдались ему, но не иначе, какъ по увѣренности, что онъ сынъ Царской крови, и вступили въ Москву.

Ежели бы Лжедмитрій, сидя на Тронѣ, развратилъ народъ, то что бы одинъ Шуйскій, съ горстью заговорщиковъ, могъ сдѣлать? Извѣстно, что за нѣсколько дней до бунта, народъ на Красной площади уже шумѣлъ.

Разсмотримъ: презиралъ ли, и уничижилъ ли Лжедмитрій бояръ. Онъ учредилъ Сенатъ. Посадилъ бояръ, Патріарха, Архіереевъ; но ни одного изъ народа. Въ томъ Сена-

тѣ всегда самъ присудствовалъ. Слушая дѣла, разсуждалъ умно и справедливо, дозволяя разсуждать и другимъ. Учрежденіе Сената явно опровергаетъ всякую хулу на всякія уничиженія бояръ и развращеніе народа. Развѣ Петръ Первый учредилъ Сенатъ для развращенія народа? На что поносить то, что достойно похвалъ!

Петръ училъ, и научилъ насъ, какъ должно мыслить и разсуждать. Онъ и врагамъ своимъ отдавалъ справедливость. Онъ пилъ за здоровье Шведовъ, своихъ учителей. Но предки наши такихъ же Шведовъ, продавали въ рабство Татарамъ, по 10 и 15 коп. за мужчину, а женщинъ вполы. Но что и сего хуже, то тѣхъ, которыхъ не покупали, тѣхъ мучительски убивали. Но такъ ли мы нынѣ поступаемъ? Мы и Наполеону, врагу нашему, отдаемъ справедливость. Но мало сего: Туркамъ, неистовымъ врагамъ и вѣры, и Государству, мгновенно подана помощь, во

время ихъ напасти. Вотъ каковъ XIX вѣкъ! Нашъ вѣкъ — вѣкъ великодушія.

Теперь посмотримъ на Шуйскаго. Какъ воцарился Шуйскій — извѣстно; надобно узнать только, угождалъ ли онъ боярамъ, забывая величіе свое, давалъ ли имъ награды, и угнѣталъ ли онъ народъ. Шуйскій при коронаціи говорилъ: — «Цѣлую крестъ всей землѣ, »на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ, ни чего »не сдѣлати безъ собору. Вотчинъ, и дво»ровъ, и животовъ не отнимати.»

Но бояра и народъ претили ему говорить такую присягу, а предоставляли ему царствовать самодержавно.

»Послѣ сего бысть и смиреніе, и радость въ людѣхъ велія.» Слова лѣтописца. »Но радость сія продолжалась недолго.» Царь »же Василій, не помня своего обѣщанія, вско»рѣ по воцареніи, начатъ мстити, которые »ему грубипа, бояръ и думныхъ дьяковъ, и »стольниковъ, и дьяковъ и дворянъ, многихъ

»разосла по городомъ; а у иныхъ многихъ »помѣстья и вотчины поотнима.»

Когда Шуйскій поступалъ такъ, какъ повѣствуетъ лѣтописецъ, то паки явился Лжедмитрій. Шуйскому нужна стала рать. Шуйскій обращается къ боярамъ, къ духовенству и къ народу. Пишетъ грамоты, которыми то приказываетъ, то молитъ, то обѣщаетъ: — »льготы, награды, какихъ »и на мысль не приходило.»

Всё это отъ Шуйскаго за награды принять нельзя. Кто же писалъ, что Шуйскій развратилъ бояръ такъ, какъ Борисъ и Григорій развратили народъ? И тѣ не развращали. Они не были Марія Медицисъ.

Теперь, чрезъ двѣсти лѣтъ, на всѣхъ мертвыхъ пиши всякъ что хочетъ. Но самовидцы говорятъ не о наградахъ, не о развращеніи, а о томъ, что Шуйскій вѣрныхъ и преданныхъ ему бояръ топилъ въ рѣкѣ, и даже родственниковъ отравлялъ.

» По не мнозѣ времени дядья его (Ми-
» хайла Шуйскаго) сотвориша пиръ, не яко
» любве ради, но убивства. И призваша, и
» ядоша, и пиша. Послѣди же пріиде къ не-
» му (М. Шуйскому) злаго коренѣ злая
» отрасль, Княгиня Дмитріева Шуйскаго,
» (тёшка М. Шуйскаго) на языце мёдъ нота-
» ше, въ сердце же мечь скова. Пріиде къ
» нему съ лестію, съ чашею мёда съ отра-
» вою.

Михайла Шуйскій мёдъ выпилъ, и умеръ. »И бысть плачь по всей земли Русской.» Изъ сего происшествія всякъ можетъ дѣлать заключенія о наградахъ, какія кто захочетъ. Это отравленіе было бы подвержено сомнѣнію; но лѣтописецъ говоритъ: — » Онъ (Василій) человѣкъ глупъ, и нечестивъ, и многая піяница, ... и всячествованіемъ неистовенъ.»

Происшествія подтверждаютъ и доказываютъ то, что говоритъ лѣтописецъ.

Шуйскаго свели съ Трона. Ежели бы Шуйскій развратилъ бояръ, то свойственно ли бы было развращеннымъ боярамъ видѣть гибель отечества? Развращенные тигеллины всегда поддерживали Нероновъ. Тутъ-то они и хватаютъ всё, что ни попадётъ. Что и можно видѣть во время владычества Сигизмунда: отечество погибало, а развращенные бояра брали вотчины, деньги, и продавали Королю Государство.

Когда Шуйскаго свели съ Трона, то Лжедмитрій еще былъ живъ. И ежели бы онъ унчижилъ бояръ, не служилъ бы они ему? И ежели бы развратилъ народъ, то развращенные внесли бы его на рукахъ въ Москву. Но сего не было. Смуты, и между боярами и между народомъ, продолжались и кончались.

Избирается Михаилъ Романовъ. Но не такъ, какъ Шуйскій, одними боярами; но торжественно всею землею. По воцареніи Ми-

хапла, и бояра и народъ проливаютъ за него кровь, и изгоняютъ непріятеля. Могло ли это случиться безъ повиновенія?

Воцаряется Алексѣй; и царствуетъ точно также, какъ бывшіе до него Цари. Но Г. Строевъ написалъ: — »видя общее разстройство и упадокъ власти, Царь А. М. искалъ средствъ къ востановленію порядка.» — Какого? Разстройства въ Государствѣ бываютъ различныя. Упадокъ власти можетъ быть и безъ разстройства. Да я и не вѣрю, чтобы Царь А. М. писалъ Уложеніе для того только, что бы укрѣпить свою власть. Самое Уложеніе не то доказываетъ, что говоритъ Г. Строевъ. Разкроемъ Уложеніе.

»Государь Царь и Великій Князь Алек-»сѣй Михайловичь всея Руссіи Самодержецъ »совѣтовалъ съ отцемъ своимъ и богомоль-»цемъ Іосифомъ Патріархомъ, съ Митропо-»литы, Архіепископы, и Епископы, съ дум-

»ными людьми и проч. и проч. Статьи, ко-
»торыя писаны въ правилѣхъ Св. Апостолъ
»и Св. отцевъ, въ градскихъ законахъ Грече-
»скихъ Царей; а пристойны къ земскимъ
»дѣламъ, и тѣ бы статьи выписать, съ
»старыми судебниками справити, по его Го-
»судареву указу общимъ совѣтомъ, что бы
»всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго до
»меньшаго чину, судъ и расправа во всякихъ
»дѣлахъ была всѣмъ ровна.»

Здѣсь ясно сказано для чего написать Уложеніе. — Уложеніе написано, и подписано. И что Уложеніе писано не для укрѣпленія власти Царя, то самъ Г. Строевъ разсуждаетъ объ идеѣ суда *ровна*. Сію идею приписываетъ онъ Царю А. М. и говоритъ: — Такой идеи тогда ни гдѣ въ Европѣ не было. Что Французы въ 1795 году объявили ее за новость. Слѣдовательно идея суда ровна есть (*) первая и единственная та, ко-

(*) Въ Китайскомъ уложеніи написано:» дабы всякія

торая въ Уложеніи. Но онъ же говоритъ, что Екатерина 1767 года 20 Апрѣля сію идею уже объявила; но будто бы Екатерина заняла ее изъ Уложенія. Но находится и иное его мнѣніе. Что суда ровна нѣтъ: — ни у Петра, ни у Анны, ни у Елисаветы. Куда же судъ ровный дѣвался? Уложеніе существовало. Но далѣе: идея суда ровна принадлежитъ Шуйскому. Идея Царя А. М. внесена въ статутъ Литовскій. Но которой, по показанію Г. Строева, изданъ прежде Уложенія почти за сто лѣтъ. Какъ сія идея попала въ статутъ? да и множество статей внесено въ Уложеніе изъ статута, а не изъ Уложенія въ статутъ.

дѣла судимы и рѣшимы были не по произволеніямъ, легко, или тяжело; но столь свято и уравнительно, что не могъ бы опорочить весь свѣтъ.» Изъ сего видно, что идея суда ровна была уже въ Китаѣ.

Но оставимъ сіи противорѣчія, и разсмотримъ нѣкоторыя статьи Уложенія, точно ли по Уложенію судъ былъ всѣмъ ровный.

Глава X.» Судить боярамъ и окольничимъ, думнымъ людемъ, и дьякамъ, и судьямъ, и всякая расправа всѣмъ людемъ. А будетъ который бояринъ, или окольничей, или думной человѣкъ, или дьякъ, или иной какой судья, исца, или отвѣтчика по посуломъ, или по дружбѣ, или по недружбѣ, праваго обвинитъ, а виноватаго оправитъ, а сыщется про то допряма, и на тѣхъ судьяхъ, взяти исцовъ искъ въ трое, и дати исцу. Да за тужъ вину, у боярина, и у окольничаго, и у думнаго человѣка отнять честь.»

Другая статья.» А будетъ челобитчикъ затѣетъ на судью напрасно, и обвинетъ онъ по дѣлу, а не по посуломъ, и того человѣка за ложное челобитье, бити кнутомъ нещадно; да на немъ же, кого поклепалъ, доправить

безчестье въ трое, да его жъ посадить въ тюрьму до Государева указа.»

По сей статьѣ челобитчикъ въ пяти бѣдахъ: первая бѣда, далъ деньги, (посулъ) пропали; вторая бѣда, проигралъ правое дѣло; третья бѣда, будетъ битъ кнутомъ нещадно; четвертая бѣда, заплатитъ въ трое; пятая бѣда, послѣ кнута, будетъ сидѣть въ тюрьмѣ, ежели только останется живъ послѣ нещаднаго кнута.

Могу услышать возраженіе: неужели же клеветника погладить по головкѣ? Нѣтъ. Но спрошу взаимно: а кто будетъ разбирать жалобу на судью? И какъ разбиратель узнаетъ посулъ ли судья взялъ, или *безъ хитрости* просудился? Не вмѣшается ли тутъ та же дружба, та же вражда, тѣ же посулы. А можетъ слѣдователь и безъ хитрости просудится. Какъ трудно бываетъ постигнуть истину! Представлю примѣры:

Шеинъ 1610, 1611 годахъ защищалъ Смоленскъ до изступленія, до отчаянія. И за такое геройство, по взятіи Сигизмундомъ Смоленска, Шеинъ былъ пытанъ, закованъ въ кандалы, отвезенъ въ Польшу, брошенъ въ тюрьму, томленъ. Но тотъ же Шеинъ, освободясь изъ плѣна въ 1633 году посланъ былъ взять обратно Смоленскъ; но не взялъ. И за тотъ же Смоленскъ, тотъ же Шеинъ казненъ. И кто бы этому повѣрилъ?—Шеину приписали измѣну. Судьи не сообразили событій. Судьямъ извѣстно было, живые еще были люди, которые видѣли, что и Баторій не взялъ Пскова, (*) и отступилъ. Неужели Баторій былъ измѣнникъ? Но судьи ни о чемъ не разсуждали; не вспомнили прежней вѣрности Шеина, не уважили страданій, которыя онъ и въ пыткѣ, и въ плѣну перенесъ; но съ поспѣшностію отрубили ему голо-

---

(*) Бонапарте отъ Акры отступилъ.

ву. Ужасно помыслить о беззаконникахъ судьяхъ! Мы знаемъ, что такіе же судьи и Фокіона казнили.

На что намъ искать лучше неопровергаемаго документа, печатнаго указа 1722 года 17 Апрѣля. Въ семъ указѣ Петръ Великій говоритъ о самомъ себѣ, что онъ 13-го Апрѣля въ Сенатѣ *безъ хитрости* рѣшилъ дѣло не такъ. Признаніе Великаго Государя величественно. Онъ и въ законѣ написалъ: — »Мудраго человѣка свойство есть отмѣнять свое мнѣніе.»

И когда такіе геніи, каковъ былъ Петръ и Екатерина, ошибались, то конечно могутъ и другіе ошибаться. Знаемъ, что и безпристрастный Долгоруковъ ошибался.

Но ежели вспомнимъ слѣдствіе въ Угличѣ, раззореніе цѣлаго города, казни, ссылку въ Сибирь, и даже самой Царицы Марѳы на Бѣло-озеро; двухъ Царскихъ невѣстъ оклеветанныхъ и сосланныхъ. Невѣста Царя Ми-

хаила Феодоровича сослана въ Нижній Новгородъ; невѣста Царя Алексѣя Михайловича въ Суздаль, то послѣ сихъ самыхъ близкихъ къ сердцу Царскому невѣстъ, кто подъ слѣдствіемъ у злыхъ (*) или глупыхъ слѣдователей можетъ быть безопасенъ? И ежели бы не Даніилъ, то и Сусанну побили бы каменьемъ.

(*) Имянной указъ 1801 года 27 Сентября доказываетъ злоупотребленіе лицъ при слѣдствіи на пагубу невиннаго употребившихъ. Такіе указы открываютъ чувствованія Государей XIX вѣка, и какъ онѣ дорожатъ жизнію и одного невиннаго, о которомъ предки наши и не подумали бы. Сей указъ, какъ драгоцѣнный памятникъ человѣколюбиваго Монарха, можно видѣть въ Сводѣ законовъ.

Сей указъ судьи и слѣдователи должны вытвердить наизусть, какъ Символъ Вѣры. Потомство! да сохранитъ тебя Богъ отъ бывшихъ судей. Потомство! помни Александра Перваго!

И какихъ беззаконій не совершилось во вселенной! Когда надъ Алкивіадомъ производилось слѣдствіе, по подозрѣнію взбитіи головъ съ Меркуріевыхъ статуй, то въ семъ же дѣлѣ запутаны были и друзья его. Одинъ изъ оговариваемыхъ спросилъ доносчика:» какъ ты меня узналъ ночью?» Клеветникъ сказалъ: — тогда свѣтила луна, и я видѣлъ тебя въ лицо. Обвиняемый представилъ календарь, по которому видно было, что тогда луна не свѣтила. Однако же судьи показанія доносчика приняли за истинныя. Подобное сему случилось съ Азіатикомъ. Клавдію сказали, что Азіатикъ хочетъ его убить. Императоръ призвалъ Азіатика, допрашивалъ. Азіатикъ на вопросы отвѣчалъ смѣло, и требовалъ клеветника на очную ставку. И когда Клавдій приказалъ представить доносчика, то отпущенники, научившіе клеветать, сказали сему бездѣльнику: укажи на плешиваго. Доносчикъ входитъ, и видитъ двухъ плеши-

выхъ, и не зная Азіатика, указалъ на другаго. Всѣ бывшіе засмѣялись надъ клеветникомъ. Но голова Азіатикова слетѣла. Кто не знаетъ суда надъ Сократомъ? И чья душа не возволнуется отъ такихъ гнусныхъ судей?

Разсуждая, о беззаконныхъ обвиненіяхъ, и осужденіяхъ, не должны ли подумать: — какъ открыть посулы, которые даются съ глазу (*) на глазъ. Деньги у всѣхъ одинакія. Какой глазъ, какой умъ долженъ имѣть слѣ-

---

(*) Въ Китайскихъ законахъ есть статья: — »къ судьямъ не носить подарковъ; по буде принесутъ, то хозяина того дома, въ которомъ квартируетъ судья, казнить.» Спрашивается: какъ хозяинъ узнаетъ, что къ жильцу его, судьѣ, принесли подарки? Законъ безразсудный, и кровожаднѣе Драконова. Но такихъ кровожадныхъ статей въ Китайскихъ законахъ множество.

дователь, чтобы узнать — кто, и какъ покривилъ вѣсы правосудія? Много ли было Даниловъ? А сколько тысячъ невинныхъ калласовъ растерзано и казнено?

Но когда законодатель о посулахъ пишетъ въ законъ, то видно, что онъ уже знаетъ, что посулы и берутъ, и даютъ.

Для оправданія судьи есть статья, (10) »буде судья просудится безъ хитрости, то пѣтъ и наказанія; (*) а только, что Госу-

(*) Въ Китайскомъ уложеніи написано: «Что же касается до такой вины превосходнаго человѣка (судьи) въ которую впалъ неумышленно, то не можетъ быть противно Государю; помиловать его.» Но странное дѣло! въ одной и той же книгѣ Китайскаго уложенія, находимъ противный сему законъ. А именно: — «кто ошибкою подастъ Государю не ту вещь, какую слѣдовало, бить 40 ударовъ бамбукомъ. Одинъ и тотъ же законодатель и прощаетъ, и наказываетъ за одинакое дѣло.

дарь укажетъ.» Стапья справедливая.» Кто Богу не грѣшенъ. (*) всякъ человѣкъ ложъ.» Но для суда ровна, нѣтъ статьи ограждающей истца, буде онъ безъ хитрости (**) проступится. Судья человѣкъ, истецъ человѣкъ, и не оба ли ровно *безъ хитрости* могутъ проступатся?

Истецъ, или отвѣтчикъ можетъ быть суравный боярину, который засѣдаетъ въ судѣ. Можетъ быть даже больше судьи. Одинъ отдѣлается деньгами, другой къ деньгамъ поплатится и спиною, и тюрьмою. Въ уложеніи нѣтъ суда ровна.

Но что посулы судьи брали искони, то видно въ священномъ писаніи. Тамъ посулы названы *лздою*. Мзда извѣстна и по граждан-

(*) Поговорка Петра I.

(**) Въ Коммерческомъ уставѣ допущена. XIX вѣкъ достоинъ похвалъ.

ской Исторіи. Камбизъ въ одномъ судѣ нашелъ неправеднаго судью, оправдавшаго виноватаго. Приказалъ содрать съ него кожу, положить на стулъ, на которомъ сидѣлъ судья; а на ту кожу посадилъ сына того судьи, дабы сей, зная казнь отцу, сдѣланную, судилъ справедливо. Но странное дѣло! Чѣмъ свирѣпѣе Цари поступали съ неправедными судьями, чѣмъ грознѣе писали законы, тѣмъ болѣе водворялась въ судахъ неправда!

Недремлющее око Вседержителя, видя въ судьяхъ Израиля неправду, чрезъ пророка грозило имъ такими словами: «Горе пишущимъ лукавство. Пишущіи бо лукавство пишутъ: уклоняюще судъ убогихъ, восхищающе судъ нищихъ людей моихъ, яко быти имъ вдовице въ расхищеніе, и сиротѣ въ разграбленіе. Сего ради о юношахъ ихъ (неправедныхъ судей) не возвеселится Господь, и сиротъ ихъ, и вдовицъ ихъ не помилуетъ.»

Кажется, кого бы болѣе бояться, какъ не Бога; но судьи не боялись, и для юношей, которыхъ Господь не помилуетъ (*) брали *мзду*. Когда Пророки сокрылись, то на мѣсто ихъ водворились церковные пастыри. Сіи, видя въ судьяхъ неправду, гремѣли съ амвоновъ: судьи слушали, плѣнялись красорѣчіемъ,—и не больше. Между тѣмъ, народы годъ отъ году, день ото дня судьями угнѣтались. Поэты взялись истребить лихоимство, писали посланія, представляя судей гнусными чудовищами; но тщетно; судьи

(*) При Іоаннѣ Грозномъ былъ Духовный соборъ, на которомъ положено: — чтобы Архіереи на мздѣ не ставили священниковъ. Но одинъ изъ Архіереевъ, подписавшихъ то опредѣленіе, только лишь вышелъ изъ собора, то и началъ ставить на мздѣ.» всуе законы писать, когда ихъ не хранить.» Карамзинъ въ И. Г. Р. въ древнихъ нашихъ лѣтописцахъ написано:» и начата тіуны грабити люди.»

не испугались. Начали на судей писать эпиграммы и сатиры; не помогло. Вывели судей, даже и жен ихъ на театръ, на посмѣшище всего народа; и стихами, и прозою уподобляли ихъ Церберамъ, и сифонамъ, а женъ ихъ сизифонамъ, и мегерамъ: судьи и жены ихъ бывали въ театрѣ, аплодировали со всѣми зрителями; но правилъ своихъ въ судѣ не измѣняли. (*) Живописцы написали каррикатуры, судьи смотрѣли, дивились хитрости, сами шутили и смѣялись, но судили попрежнему. Въ то же время Цари въ неправосудіе метали громъ и молнію; а неправда въ судахъ часъ отъ часу все-таки возрастала.

(*) Когда въ Россіи не было театровъ, то о судьяхъ разсказывали въ сказкахъ. Извѣстнѣе всѣхъ Шемякинъ судъ въ лицахъ. Но когда учредились театры, то Сумароковъ вывелъ судей на театръ. Капнистъ написалъ ябеду.

Мы знаемъ, что огнедышущія горы извергаютъ лаву. Лава чѣмъ далѣе течетъ отъ жерла своего, тѣмъ потокъ ея становится тоньше, течетъ тише, скорѣе остываетъ, чѣмъ та масса, которая ужерла; наконецъ лава остываетъ; а время обращаетъ ее въ плодоносную землю. Напротивъ: неправда въ судахъ, отъ учрежденія судей искони, что назовемъ мы жерломъ, чѣмъ болѣе удалялась отъ жерла, тѣмъ болѣе увеличивала свою массу; никогда не остывала, никогда не обращались въ плодоносіе, но вездѣ и всегда, какъ саранча, все пожирала.

Ураганы, землетрясенія, потопы, моръ, гладъ, прекращаются и утихаютъ; природа прерываетъ временныя свои волненія и пагубу. Но неправосудіе, ни въ праздникъ, ни въ будни не умолкаетъ.

- Природа дала намъ сонъ; но неправосудіе не дремлетъ, всегда бодрствуетъ, какъ Аргусъ; и подобно гидрѣ, чѣмъ болѣе отъ нее

отсѣкаютъ головъ нѣмъ болѣе на томъ мѣстѣ новыхъ выростаетъ.

Физика, посредствомъ различныхъ приборовъ, открыла, что можно сжимать воздухъ, вытягивать воздухъ. Физика показала также средство спасаться отъ грома, и молніи. Физика наука превосходная, спасительная.

Юристы! хвалящіеся своею волшебною наукою, откройте же и вы средство, какъ спасаться отъ грома и молніи, именуемаго неправосудіемъ! Изумите родъ человѣческій! онъ увѣковѣчитъ память вашу, вящше памяти Франклина.

Меня сочтутъ Фанатикомъ, инквизиторомъ вооружившимся, огнемъ и мечемъ противу ереси неправосудія. Нѣтъ это не фанатизмъ Это желаніе высочайшаго существа. Желанія обитателей всего Земнаго Шара.

Сей Эпизодъ, разорвавшій матерію суда ровна, покажется многимъ излишнимъ, но онъ необходимъ, ибо, что законы безъ су-

дей? — «Паутина.» Это древнее изрѣченіе Я прибавлю: соломы на огнѣ—Иксіоново облако. Законы и судьи, хотя и два существа, однако же неразлучные, и недѣлимые.» Вѣра безъ дѣлъ, и дѣла безъ вѣры мертвы.» Такъ учитъ насъ Церковь. Законы безъ судей; и судьи безъ законовъ мертвы—сему насъ учитъ образованность. Законъ безъ судей подобенъ древнимъ истуканнымъ богамъ, которые сами не давали отвѣта; но отвѣчали языкомъ подкупленнаго жреца. Приведенные мною примѣры осужденныхъ лицъ: — Шейна, Царицы Марфы, двухъ Царскихъ невѣстъ, всякаго удостовѣрятъ, что не законы тѣхъ осудили, но жрецы, названіемъ судьи; но засѣдавшіе въ вертепѣ. Злые судьи, подъ вуалемъ законовъ, какихъ головъ не подвели подъ гилiотину?

Теперь обратимся къ уложенію. Г. Спросевъ говоритъ, что Уложеніе написано въ 3 мѣсяца. Онъ дивится: почему же Петръ I не могъ кончить Уложенія въ 25 лѣтъ?

Предпринимала Елисавета, и ничего не сдѣлала. Екатерина» *съ обдуманною* торжественностію принялась за сочиненіе Уложенія.» Но тщетно. И во сто лѣтъ ничего не сдѣлано! Какая громада времени! исчезло ли два поколѣнія человѣческихъ, но на дѣлѣ выйдетъ не такъ, какъ сказалъ Г. Строевъ.

Идея *обдумать*: не есть новая идея; и скажу—прекрасная; ибо что можно сдѣлать хорошаго *не обдумавъ*? Идея сія была забыта; за извлеченіе сей идеи изъ забвенія Г. Строевъ достоинъ похвалъ, болѣе, нежели за идею суда ровна.

Идея обдумать — есть важная идея; однакожъ мы не будемъ обдумывать и разрѣшать вопросовъ: что такое интердиктъ? Что вещи, лица? Что символическое завладѣніе? Что dominus bonitarius. Superior possession victata! Схоластика въ XIX вѣкѣ не существуетъ. Но знаемъ людей другаго рода, которые говорятъ: — Какая у насъ куча законовъ; то-

ли было дѣло,—одно Уложеніе. Но эти говоруны не знали идеи обдумать; не заглядывали на бывшее состояніе Руси; не хотѣли обдумать. Когда народъ былъ спокоенъ: — тогда ли, когда законы состояли въ *одной* книжкѣ, (Судебникѣ), или когда цѣлые томы? Нужно ли доказывать сію истину!

Киньте взглядъ на бывшіе народы, къ которымъ мы имѣемъ какъ бы нѣкоторое благоговѣніе, которымъ стремимся подражать, и заимствуемъ отъ нихъ законы. Это Афиняне, и Римляне. Мы видѣли тѣ народы въ первоначальномъ ихъ варварствѣ, видѣли ихъ возрастаніе, и возросшихъ до исполина; видѣли, какъ они съ возрастаніемъ удалялись отъ варварства и невѣжества; какъ входили въ нравственное (*) состояніе. Сіе прав-

(*) Римляне въ началѣ своего основанія, не помню какого Царя изъ непріятелей растерзали лошадьми. Но въ послѣдствіи сами стыдясь своего звѣрства, такихъ лютостей уже не употребляли.

ственное состояніе открывало имъ и зифическія потребности. Умноженіе потребностей умножало ихъ и законы. Законы ихъ текли подобно рѣкѣ, которая, чѣмъ далѣе отъ истока своего протекаетъ, тѣмъ большею становится; и тѣмъ странамъ, которыя орошаетъ, даетъ болѣе плодоносія.

Такъ точно Русская нація, чѣмъ далѣе отходила отъ своего варварства, тѣмъ болѣе приближалась къ центру; и мало по малу сливалась, и слилась въ одно огромное Государство. При такомъ возрастаніи народа точно также какъ у Грековъ и Римлянъ, открывался и правственный возрастъ. Возрастали и физическія потребности, необходимыя послѣдствія народнаго возрастанія. Сіи физическія потребности развивали законодательство, умножая и законы. Я скажу: что умноженіе въ наши дни законовъ, суть умноженіе нашего блаженства. Это истина; ибо мы имѣемъ, стяжаніе и живемъ въ такихъ

палатахъ, о какихъ Цари наши, при малыхъ законахъ, понятія не имѣли.

Точно; когда законы умножаются, тогда возрастаетъ и благоденствіе. Но когда законодательство остановится, то уже признакъ бѣдствія того Государства. Тезисъ; по которой докажу.—Законодательство Грековъ и Римлянъ, съ ихъ возрастомъ возрастало. Но когда изъ единства и скажу:—Имперія съ горы покатилась внизъ, тогда и источникъ ихъ законодательства изсякъ. Казалось еще, что они существуютъ. Но они находились въ каталепсіи. Говорили, двигали членами; и Ѳеодосіи и Юстиніаны издавали законы; но законы ихъ были подобны ловцамъ выпускающимъ изъ псовъ противу звѣрей и онѣ вмѣсто законовъ противу народа выпускали палачей. Напослѣдокъ рушилось все, и законы забыты; и изъ Грека Ѳемистоклова явился:—Клефтъ, изъ Римлянина Камиллова:—Бандитъ.

Мнѣ укажутъ на деревню Спарту, которая своихъ законовъ не умножила ни од-

ною статьею, но существовала многія столѣтія. Отвѣтствую: — точно существовала. Но такъ, какъ запорожская сѣча — разбоемъ и грабежами.

Мнѣ скажутъ, что умноженіе законовъ показываетъ не нравственный возрастъ народовъ, но развратъ. Возражаю: — Янычары, кромѣ Алькорана, существующаго болѣе тысячи лѣтъ, ни чѣмъ инымъ не управлялись. При стрѣльцахъ было одно Уложеніе, но они съ молебнами вооружались и противъ Царя, и противъ народа, присовокуплю, безграмотныхъ преторіанцовъ, но бывшихъ первыми злодѣями и Царей и народовъ.

Мнѣ скажутъ: тяжбы, ябеды, лихоимание тогда умножились, когда умножились законы. Опровергаю. Судьи Израильскіе брали мзду, когда было только X Заповѣдей. Децемвиръ Аппій беззаконничалъ, толковалъ законъ, и отнималъ у отца дочь, когда было не болѣе XII. таблицъ. Тіуни грабили

»люди,» когда была маленкая тетрадочка Русской Правды. И при Стоглавѣ брали мзду.

Тяжбы, ябеды, лихоимание суть изчадія варварства и невѣжества. Это зеленые Африканскіе змѣи, по зеленой же травѣ прополающіе, для уязвленія человѣка. Но законъ Амалфеинъ рогъ.» Законъ, сказала, Екатерина, материнскими глазами взиратъ на каждаго гражданина, такъ какъ и на цѣлое общество·

Заговорятъ: Парадоксы. Парадоксы! — говорите.

По идеѣ *обдумать*, разсмотрѣвъ Исторически возрожденіе законовъ и упадокъ ихъ, разсмотримъ потерянное столѣтіе, Петра и Екатерины. Но прежде возьмемъ Аріаднину нитку. Нитка введетъ насъ въ лабиринтъ законодательства, и выведетъ. Взойдя въ лабиринтъ законодательства, мы увидимъ тамъ законодателя, пишущаго законы. Увидимъ его умъ, его способности, чувствованія его души. Склонности его къ человѣко-

любію, снисхожденію, милосердію, или къ казнямъ. Тамъ же узнаемъ мы и бытъ народный, для котораго законодатель пишетъ законы. Безъ сихъ познаній о Уложеніи невозможно сдѣлать справедливаго заключенія.

Законодатель, законами сдѣлаетъ людей таковыми, какими онъ захочетъ. Пожелаетъ звѣрей, будутъ звѣри; какими и сдѣлалъ Ликургъ Спартанцовъ. Пожелаетъ человѣковъ добродѣтельныхъ, чувствительныхъ, будутъ добродѣтельны, и чувствительны. Это Апофегма. Сію Апофегму сказалъ Петръ Первый.» Всякъ взираетъ на начальника жизни, всякъ прилѣжитъ узнать склонность его, дабы по той управлятися.«

Екатерина говорила: — « Есть такіе люди, которые хвалятъ и Турецкое правосудіе. » Паша внезапно ставъ просвѣщеннымъ ве» литъ бить по пятамъ и истца, и отвѣт» чика, и отпускаетъ ихъ домой, бывъ дово» ленъ своимъ решеніемъ.«

Паши взираютъ на Султана, и что дѣ-

ласть Султанъ надъ ними, то тоже дѣлають и они надъ народомъ. Аксіома.

Г. Строевъ, разсматривая Уложеніе говоритъ: что Уложеніе содержитъ въ себѣ двѣ крайности: — «Свирѣпость приводящую душу въ трепетъ, и Евангельскую кротость.» Два полюса: — Арктическій, и Антарктическій. Г. Строевъ совершенно проникнулъ духъ Уложенія. Но, къ сожалѣнію, не сказалъ, отъ чего сіи два противоположныя свойства находятся. Правда, что онъ не скрылъ, какъ другіе писатели скрываютъ народную бѣдность и невѣжество тѣхъ временъ. Но все-таки сего мало. Но когда мы уже знаемъ, что того времени народное пропитаніе было, какъ у скота, одна трава, такъ у людей одинъ только хлѣбъ; одежда—одни бараньи шкуры; обувь; одни лапти; жилище; избёнка; названіе: смердь; холопъ. То и знаемъ уже, что такой народъ вездѣ, и всегда управлялся бичомъ.

Тогда перваго стольноваго боярина, шумящаго за измяншиным Царским обѣдом выводили изъ-за стола, и сажали въ тюрьму; иного отводили въ подклѣть, гдѣ и били кнутьями.

Видя такое свойство людей и быть видимъ, что Уложеніе издано, по понятіямъ и жестокимъ свойствамъ народа. Тогда не умѣли размышлять: какъ возвысить чувствованіе въ человѣкѣ, но только бить, и забить.

Но таково ли Государство стало во время Петра? Кнутья со спины боярина сняты, снята и опала; и Государь не говорилъ:— «И быти ему въ опалѣ, и въ раззореньѣ.» и бояринъ не отвѣчалъ: — «А въ раззореньѣ воленъ Богъ, да Государь.» На мѣсто грознаго произвола возсѣлъ законъ.» Лучше десять виновныхъ освободить, нежели единаго невиннаго наказать. Гдѣ дѣло идетъ о жизни

(*) Смотри дворцовые записки тѣхъ времен.

и чести тамъ спѣшить не должно.» Названіе смерди и холопа уничтожены. *Вичъ* не почитался уже Царскою милостію, но принадлежалъ всѣмъ *равно*; и имя Ивана, а не Ваньки, отдано каждому, какъ принадлежность. И чего ожидать, о чемъ и помыслить люди не могли, и не смѣли. Царь началъ съ подданными переписываться. И называлъ: кого сердечнымъ другомъ, кого братомъ, Господиномъ; велѣлъ къ себѣ писать безъ чиновъ, безъ великаго, а просто — къ Петру Алексѣевичу.

Событія того времени, быстрый исходъ изъ невѣжества къ образованію, и донынѣ изумляютъ вселенную. Сіи событія, двѣ крайности въ Уложеніи находившіяся: *строгость* и *кротость* такъ другъ отъ друга удалили, что пространство между ими сдѣлалось огромно; и 967 статей, изъ коихъ состояло Уложеніе, и сотой доли не наполнили бы новое Уложеніе. Но какія надобны были статьи для новаго народа? Для

новаго народа надобны и новые законы. Напримѣръ: — Петръ родилъ новаго Долгорукова. Чѣмъ Долгорукаго бить, за то, что онъ въ очи Государю говорилъ правду? Ибо говорить правду въ очи Государю, значило оскорблять величіе, за которое въ Римѣ лишали жизни; да и въ Руси такой смѣльчакъ до Петра былъ бы казненъ. Помыслить! Что такое правда! Надобенъ былъ и еще законъ: — чѣмъ бить Лефорта, за то, что онъ Царя схватилъ за руки? Дѣйствіе онъ сотворенія міра неслыханное; и неимовѣрное, но точно бывшее. И еще законъ: чѣмъ бить тѣхъ, которые дерзали Царю жаловаться на Петра Михайлова. Мы всё это знаемъ вѣрно; но потомство не сочтетъ ли за басни?

Въ древнія времена, важныя событія на зывали эпохами. Я знаю, что слова безъ существа вещей ничто. Но явленіе Петра, и дѣла его есть эпоха. А потому образованіе на-

рода, и законодательство Петра назову я эпохою, и не для того, чтобы слово: эпоха, придало важность образованію и законамъ, но для того, что Государство получило новое бытіе.

Отъ эпохи Петра, до эпохи Екатерины, промежутокъ не большой, Г. Строевъ окажетъ великую услугу, и не одной Россіи, но и всѣмъ народамъ, когда онъ въ Исторіи изобразитъ переходъ законовъ, отъ свирѣпости къ человѣколюбію. Г. Строевъ знаетъ, что нынѣ авторитетъ Русской становится извѣстенъ всему міру; и собою докажетъ, что въ странѣ, называемой варварскою, есть люди, которые умѣютъ и чувствовать и мыслить лучше и превосходнѣе, нежели мыслили. — Пуфендорфъ, и бентамъ. Картина законовъ можетъ сдѣлаться извѣстною и занимательною также, какъ картина Брюло-

Печальныя, и ужасныя событія непріятно представлять; но не мы тому виною.

Вѣкъ Екатерины, мы видимъ такъ, какъ праведники видятъ райскія селенія. Отъ вельможи до простолюдина, всѣ ликуютъ! вотъ, ужасное *слово и дѣло*! Слово и дѣло, ковавшіе въ железа, и руки и ноги; обливало сердца кровію какъ тѣхъ, которыхъ заковывали, такъ и тѣхъ, которые заковывали, и тѣхъ, которые по необходимости, или случайно слышали. Прочь пытка и палачи! исчезло гоненіе на волшебство и суевѣріе, возводившее человѣковъ на костры для сожженія. И кто изобразитъ ту радость, какую ощущалъ тогда народъ?

Но дѣла Великой Екатерины не въ томъ только состояли. Она пустыни, дикія степи обращала въ Темпейскія долины. И вотъ Крымъ, отъ котораго Царя наши съ трепетомъ бѣгали, и едва-едва уходили, простеръ къ ней руки.

Султанъ—пугалище Европы, бичъ рода человѣческаго усмиренъ. Дѣла громкой славы

дѣла блестящія, принадлежатъ всѣмъ, держащимъ въ рукахъ оружіе. Но попеченія о благѣ народовъ свойственны только отцамъ народовъ.

Екатерина не обольстилась блестящими своими побѣдами. И поражая одною рукою враговъ своего народа, другою! нѣтъ, не рукою, но душа ея говорила: —

«Несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены установлять жестокіе законы.»

»Употребленіе казней не сдѣлало людей лучшими.»

»Я преодолѣю возстающихъ противу человѣчества.» (*)

(*) Извѣстно, что въ древности приносили богамъ человѣковъ на жертву. Тогда находились люди, которые вопіяли противу безчеловѣчія, требовали отмѣны такихъ жертвъ; но не могли преодолѣть; ибо жрецы, алкающіе крови, тѣхъ новизноввводителей называли безбожниками, ока-

»Послѣдуемъ природѣ, давшей стыдъ человѣку вмѣсто бича.»

»Умѣренность управляетъ людьми, а не выступленіе изъ мѣры.»

»Воздержаться отъ узаконеній, общимъ народа чувствованіямъ невмѣстныхъ.»

»Для введенія лучшихъ законовъ необходимо умы людскіе пріуготовить.»

янными, нечестивыми, и предавали ихъ Евменидамъ. Преодолѣть возстающихъ противу человѣчества могутъ только Монархи. Человѣколюбіе Гелона надъ Карѳагенскими дѣтьми и младенцами, чуждыми ему, всѣмъ извѣстно. Въ Англіи, въ концѣ прошедшаго столѣтія, было происшествіе. Злодѣй оклеветалъ невиннаго въ содѣйствіи своихъ злодѣяній, и тотъ невинный приговоренъ былъ къ казни. За нѣсколько минутъ до казни, злодѣй объявилъ о невинности оговореннаго. Кто не знаетъ Англійскихъ законовъ, тому трудно объяснить, чтобы объявленіе о невинности спасло отъ казни. Однакоже народъ, услыша о невинности юноши, возтрепе-

Вотъ планъ великаго Архитектора, по которому мастеровые должны были строи-

---

талъ, взволновался и требовалъ отмѣнить казнь. Но пасторъ, который всегда находится при казни, былъ подобный Каннибаламъ, понуждалъ шерифа исполнить законъ буквально. Странная вещь! Служитель Богу понуждаетъ къ убивству невиннаго! Но пасторъ не восторжествовалъ. Король отмѣнилъ казнь. Но Шерифъ нарушилъ законъ; за то народъ примѣнилъ къ нему Шекспировъ стихъ: — «съ малою неправдою сдѣлалъ великую справедливость.» Сіи примѣры привожу я здѣсь для того, что Г. Строевъ не совѣтуетъ вводить новизнъ въ законы; что новизны дорого стоили Петру Великому. То ли дѣло, говоритъ онъ, законы всосанные съ молокомъ. О новизновведеніяхъ въ законы и въ нравы буду я говорить особо. Предразсудки мы всасываемъ также съ молокомъ. Предразсудки Англичанъ къ старинымъ своимъ законамъ такъ велики, что они, или дѣлаютъ безчеловѣчія, позоръ, и вѣку и націи наносящіе, или смотрятъ на нарушеніе закона сквозь пальцы. О древность, древность! стыдъ и пагуба человѣчества.

ніе, новое, огромное, великолѣпнѣйшее зданіе. Зданіе, образца которому до Екатерины ни кто не давалъ.

Когда Екатерина начертала такой величественный планъ для законовъ, то въ то время въ Европѣ находились мужи мыслящіе, превыше Аристотеля и Платона. Въ вѣкъ Екатерины не говорили: — «Учитель нашъ тако рѣкъ. Незнающіе Геометріи да не внидутъ.» Въ Ея вѣкъ двери лабиринта законодательства всѣмъ отверзлись; таинства Изиды исчезли, и всякой Профанъ, безъ одежды Инціата, могъ входить свободно; всякой глазъ заглядывалъ въ законы; каждый умъ разбиралъ, перебиралъ, и судилъ. И каждое слово мгновенно оглашалось; да и Екатерина ничего не скрывала. Она, напечатавъ свой Наказъ, разослала ко всѣмъ Государямъ на ихъ сужденіе. Послала также и знаменитымъ мужамъ, умами отличнымъ.

Г. Строевъ, говоря, что Петръ въ 25 лѣтъ не издалъ Уложенія, не сказалъ однако же, для чего Петръ предпринималъ издать новое Уложеніе, тогда, когда отецъ его только литъ издалъ? Издать законы безъ причинъ и безъ цѣли, значитъ строить зданіе на пескѣ. «Пріидоша воды и размыша.» Равно не показалъ причинъ, для чего и Екатерина предпринимала издать Уложеніе, и въ чемъ торжественная ея обдуманность заключалась.

Ни Петра, ни Екатерины теперь нѣтъ. Отъ кого же мы узнаемъ, о причинахъ и цѣли тѣхъ двухъ законодателей? Прибѣгнемъ къ лѣтописямъ тѣхъ временъ, раскроемъ какую нибудь книгу наудачу, и читаемъ:

«Мы денно и нощно просили Бога, да »поможетъ онъ поднять скипетръ въ сохра»неніе правосудія, искорененіе зла и всякихъ неправдъ и утѣсненій. Для достиженія сихъ предмѣтовъ, входили въ каждое дѣло, и слушали всякія жалобы, дабы узнать: съ од-

» съ одной стороны недостатки; а съ дру-
» гой, какимъ бы средствомъ достигнуть
» конца.

» Въ первые три года узнали, что вели-
» кое помѣшательство въ правосудіи состав-
» ляетъ недостатокъ въ узаконеніи. Притомъ
» страстные толки часто затмѣвали прямой
» разумъ многихъ законовъ; сверхъ того, умно-
» жали затрудненіе, разница тогдашнихъ вре-
» менъ и обычаевъ исходныхъ вовсе съ ны-
» нѣшними: кои послѣдніе суть основанія и
» слѣдствія великихъ предпріятій премудраго
» Государя Петра Перваго.

» Наше утѣшеніе да будетъ то, чтобы
» видѣть законы въ силѣ и почтеніи; а пра-
» восудіе въ дѣйствіи. И со стороны престо-
» ла поставляемъ милосердіе за основаніе за-
» коновъ.

Лѣтописецъ намъ ясно разсказалъ при-
чины двухъ законодателей къ изданію новыхъ
законовъ. Мы видимъ причины и цѣль, какъ

на ладонѣ. Онѣ суть: недостатокъ узаконеній; пристрастные толки; разница обычаевъ. Цѣль законовъ — Милосердіе.

Имѣя эту Аріаднину нитку, смѣло можно пускаться въ лабиринтъ законодательства. И вотъ предъ нами лежатъ книги законовъ:

Морскіе и Военные уставы; Генеральный регламентъ. Регламентъ Синоду. Регламентъ главнаго Магистрата; Инструкціи Коллегіямъ и Наказы разнымъ лицамъ, власть имѣющимъ, коихъ подробно не имену(ю), и о которыхъ въ 1649 году ни понятія, ни помышленія не имѣли; кто написалъ? Кто отмѣнилъ ужасный правежъ и безчеловѣчное закапываніе (*)

(*) Имяннымъ указомъ 1689 года 19 Февраля закапываніе живыхъ женъ въ землю отмѣнено. Но, къ удивленію, въ Чердинѣ 1740 года 2 Мая двѣ женщины живыя были закопаны: Марфа, за убивство и сожженіе мужа; Прасковья за удавленіе мужа на постелѣ. Законъ прежній отмѣненъ, но судьи дѣлали по своему. Изъ такихъ дѣлъ всякъ

живыхъ женъ въ землю? Не упоминаю о письмахъ, которыхъ Цари не токмо не писывали но и не подписывали. (*)

Учрежденіе о Губерніяхъ; Уставъ Управы (**) Благочинія; Дворянская грамота; Городовое положеніе; Уставъ водоходства; Уставъ о винѣ и соли; Наказъ Казеннымъ Палатамъ. Межевая инструкція; Учрежденіе Банковъ; Учрежденіе призрѣнія невинныхъ жертвъ....

увидитъ, что законы безъ судей мертвы — паутина; солома на огнѣ.

(*) Голиковъ имѣлъ въ рукахъ исходящія книги писемъ Петра Великаго, по которымъ видно, что писемъ и писанныхъ, и подписанныхъ простиралось до 20 тысячъ.

(**) Ежели бы воскресить Платона и Аристотеля, и показать бы имъ, что написано на зерцалѣ Управы Благочинія, и спросить бы ихъ: — для чего они въ теоріи своихъ законовъ того не написали? Безсомнѣнія, они отвѣчали бы: » Мы ни чувствовать такъ, ни мыслить не умѣли.«

о которыхъ въ 1649 году съ отвращеніемъ говорили; а матерей били кнутомъ;—кѣмъ написаны?

Кто снялъ званіе рабъ?

М. М. Г. Г. говорящіе, что Петръ, Елисавета, Екатерина не написали законовъ—говорите напрасно. *Подумайте*, и посмотрите. Въ Европѣ гораздо болѣе ста лѣтъ Юристы кричатъ: — Законы, законы! но что они написали? Правда, долго ли Юристу написать законы: очинилъ перо, положилъ бумагу на столъ, сѣлъ: — Да и пиши Dominius bonitarius.

Но знайте М. М. Г. Г. чтобы, написать законы, которые бы составили благополучіе рода человѣческаго, то потребна не враждебная добру наука brevi manu, (*) longi manu;

(*) Екатерина въ Наказѣ Генералъ Прокурору написала:» Понеже Юриспруденты не могутъ многаго знать, что Генералъ Прокуроръ по своей должности вѣдаетъ« Екатерина дѣлала много вопреки Юриспруденціи.

не Ариманъ долженъ водить рукою законодателя; но Богъ! Точно богъ! Моисей, на горе Синайской, принялъ законы изъ рукъ Бога. И не извѣстно ли намъ, кто на пескѣ начерталъ перстомъ: — « Аще кто не имать на себѣ грѣха.» И что можетъ быть святѣе, и священнѣе сихъ словъ?

И ежели Богъ, въ сердце законодателя не перельётъ своихъ божественныхъ чувствованій, то какіе будутъ законы?

Нѣкоторая законодательница, на западъ отъ насъ, въ концѣ протедшаго столѣтія издала Codex, Юристами написанный; и желая увѣковѣчить имя свое къ книгѣ, приложила виньетку, на которой изобразила топоры, виселицы, клещи, орудія мучительства. Но прилично ли законодательницѣ являться къ народу съ медузиною головою?

Представимъ же въ противоположность того же времени Законодательницу Сѣвера. Она является къ народу съ благостію, и

Ангельскою улыбкою. И говоритъ судьѣ, Богомъ внушенные слова: — «Судья! будь больше милостивымъ, нежели жестокимъ, и помни, что ты и самъ человѣкъ есть.» (*)

(*) Конфирмація на докладѣ Сената 2 Мая 1765 года. Къ сей конфирмаціи считаю нужнымъ присовокупить стихотвореніе, изображающее Законодательницу Сѣвера.

Благотворительность священна!
Душа міровъ, твореній мать!
Тобою движется вселенна:
Твоя всесильна благодать.
Въ дождяхъ, въ росахъ съ небесъ снисходитъ,
И свѣтитъ въ солнечныхъ лучахъ.

Когда бъ въ однихъ громахъ съ эфира,
Творецъ являлъ намъ власть свою;
Мы бъ видѣли Владыку міра,
Иль грознаго въ Немъ судію;
Но бога, но Отца твореній
Еще тогда не зрѣли бъ въ немъ.

Что власть, гдѣ нѣтъ Тебя?—лишь бремя,
Подъ коимъ стонетъ правота.
Что острой умъ?—разврата сѣмя.

Какое сладостное утѣшеніе для несчастнаго, какой Эгидъ для невиннаго! Ежели бы прежніе судьи знали, что говорила судьямъ Екатерина, то они не истязали бы невиннаго; но они и знать не хотѣли. Они были боги истуканные. Они даже не знали и того, что написано въ священномъ писаніи: — «Милость и судъ воспою тебѣ, Богу моему. Милость хвалится на судѣ. Милостивый человѣкъ подобенъ Богу? но для тѣхъ судей всѣ священныя слова были чужды.

»Чтобы судить, говоритъ Законодатель-»ница Сѣвера, не требуется больше ничего, »какъ простое здравое разсужденіе, которое »будетъ вѣрнѣйшимъ предводителемъ нежели все знаніе судьи, пріобыкшаго находить »вездѣ виноватыхъ.»

Ежели бы судьи понимали, что такое есть судья; что онъ знать, и какъ разсуждать долженъ, то Шейнъ не былъ бы казненъ, а сынъ его не битъ бы кнутомъ; не

сослали бы Царицу Марфу на Бѣло-озеро, и двухъ прекрасныхъ, невинныхъ Царскихъ невѣстъ; и не проводили бы онѣ младыхъ своихъ лѣтъ въ слезахъ и горести.

Юристы! (*) что ваша brevi manu, longi manu? Судьи! помыслите о томъ днѣ, когда вы сами предстанете предъ Судію, дать отвѣтъ въ вашихъ дѣлахъ! Тотъ Судія каждую безвинно пролитую каплю крови взыщетъ съ васъ. Вы, виновные! вы вострепещете предъ Тѣмъ Судіею болѣе, нежели трепетали предъ вами невинные! Но поздно. Тотъ Судія скажетъ вамъ одно слово: — идите! Но куда!

Прекращая историческое изслѣдованіе законодательства, недоумѣваю: — чего пожелать, не мнѣ, не намъ однимъ Русскимъ, а всему роду человѣческому? Да исчезнутъ предразсудки и антипатіи. XIX-ый вѣкъ, да

(*) »Гражданинъ будетъ зависѣть отъ нѣкотораго числа людей, взявшихъ къ себѣ въ храненіе законы и толкующихъ оные.» Наказъ.

будетъ красою и благополучіемъ всѣхъ народовъ на землѣ.

И такъ, по свойству вѣка нашего, пожелаемъ того, чего желалъ Соломонъ. Господи! не давай роду человѣческому ни долготы дней, ни богатства; но даждь такихъ же законодателей, какихъ Ты съ неба послалъ на Сѣверъ. Тогда нечестіе, нечестивые и беззаконные судьи исчезнутъ съ лица земли, яко прахъ, возмѣтаемый вѣтромъ.

Цѣна 2 рубли.

